

АЛЛА ЛАЗАРЕВА

БЫК
и бабочка

Аннотация

Этот психологический роман-трилогия построен по принципу знаменитой триады Гегеля — «тезис-антитезис-синтез».

В романе «Бык и бабочка» читателю предстоит еще раз убедиться, как нелегко порой людям искусства почувствовать грань между игрой и жизнью и как необходимо сделать это, чтобы игра, перешедшая в жизнь, не убила ее, а жизнь, поднявшись на сцену, не помешала игре.

Алла Лазарева

Бык и бабочка

«Отшельник, ты идешь сам к себе! Твой путь ведет тебя за пределы тебя и семи твоих дьяволов».

Фридрих Ницше «Так говорил Заратустра».

(роман в трех частях)

ПОСЛЕ ЛЮБВИ

(часть первая)

1

Сорок мужчин, обутых в восемьдесят кирзовых сапог, шагают на месте. Восемьдесят кирзовых сапог, их которых торчат сорок мужчин, отбивают на сцене сердечный ритм ее сердца. Сердца, которое бьется в груди грузной и почти неряшливо одетой женщины, сидящей в пятом ряду и щелкающей семечки. Ее зовут Ева и ей сорок пять лет. Она не очень хорошо выглядит, потому что она не спала и плохо себя чувствует. Под ногтями у Евы остается траурная каемочка от черных семечек, а подносом на верхней губе пробиваются черные

усики, потому что у Евы что-то не так с мужскими гормонами. Их слишком много, наверное, потому что у Евы мужской характер. Но это ее не волнует, ее больше волнует то, как мужчины на сцене выполняют возложенную на их ноги и плечи миссию.

У Евы рак груди, она об этом узнала совсем недавно. Сама Ева довольно спокойно относится к своей болезни. Она о ней не говорит, делая ее несуществующей для тех, кто ее окружает и отчасти для самой себя. Ей даже кажется, что осознание скорого собственного конца пойдет на пользу искусству, которым она занимается, потому что она будет ставить спектакль как в последний раз. Ева долго была без работы, поэтому энергия таланта переводилась в болезнь. И теперь искусство не способно излечить ее, но зато теперь она способна искусству отдать то, чего не могла дать раньше.

— Епвашумать, — нежно произносит Ева, — дорогие мои мужчины, топайте, как подобает настоящим бруталам. Хочу больше страсти, больше энергии! Больше секса, товарищи, больше секса! Что вы сопли жуετε, как сосунки? Понастойчивей, товарищи, не расслабляемся, — говорит она, даже не глядя на них и выплевывая шелуху от семечек на газетку вчерашней давности, расстеленную на ее коленях. — Дайте мне больше огня, а то тут только

пока один дым. — Все говорят, что у меня голос, как у мужика, — пускается Ева в пространные очень свойственные ей рассуждения. — Какая это красота, — улыбается она. — Я бы, может, даже хотела, чтобы у меня все было, как у мужика. Например, член. Но, видимо, у всевышнего я заслужила только голос, — смеется она хриплым смехом над своей шуткой.

Все уже привыкли к подобным остро там. У Евы низкий прокуренный голос, такой еще называют — голос из спальни. Голос у нее такой, потому что раньше она очень много курила. Но теперь она, в связи со своей болезнью, не курит, она заменила курение щелканьем семечек, шелуху от которых оставляет повсюду. Ева бросила курить, чтобы иметь возможность завершить спектакль и посмотреть, как его примут зрители. Она для этого хочет прожить подольше. Это для нее очень важно. Она бросила курить не ради своего здоровья, а ради театральной постановки, которую непременно должна завершить и показать зрителям.

Ева — лучший театральный режиссер провинциального города К*, и ей можно все. Ей можно щелкать в театре семечки и сплевывать шелуху на газету. Ей можно мусорить и материться где угодно и когда угодно, потому что она умеет творить. Она умеет создавать на сцене что-то феерическое и запоминающееся. Ева имеет

способность создавать театральное действо, восходящее к искусству. А это очень нравится руководству театра, которое должно показать свой спектакль в Москве на фестивале и этим обеспечить себе дополнительное финансирование. Это спектакль, который создает Ева, должен стать визитной карточкой города и проложить дорогу к новому финансированию и более высокому статусу их рядового театра.

Ева еще не придумала, о чем будет спектакль, она пока еще только думает. И думает Ева, щелкая семечки. Раньше она безбожно курила и много пила, но когда ей предложили работу, она бросила и то, и другое, и перешла на семечки. Ева еще десять лет назад жила в Санкт-Петербурге со своим мужем Игорем, тоже театральным режиссером, но что-то между ними расстроилось, и Ева переехала в город К*, где она родилась. А муж стал очень известным театральным режиссером. Никто не знал, почему они разошлись после пятнадцати лет совместной жизни, Ева об этом не любила рассказывать. Но она бережно хранила память о нем в своем сердце и мысленно общалась с ним. Ева отказывалась сотрудничать со всеми театрами, сколько ей не предлагали. Но когда ей сказали, что в Москве она будет соревноваться как режиссер с бывшим мужем, она согласилась. До этого времени Ева влачила жалкое существование на гонорары от

несколько снятых около пятнадцати лет назад фильмов, и ей хватало.

— Искусство начинается с ненависти, — говорит Ева с иронией, подсевшему к ней Павлу, продолжая щелкать семечки. — Это я, моя душа, предвосхищаю твой вопрос о том, почему я так матерюсь на актерский состав и почему сижу с кислой миной, — говорит она Павлу.

Ева предпочитает иронизировать, чтобы спрятаться от мира, чтобы быть не неуязвимой для тех, кто ее хочет задеть за живое. Павел — это давний приятель Евы, ему уже пятьдесят лет. Когда-то он был влюблен в Еву, но это было очень давно, когда ей не было еще восемнадцати лет. Периодически он к ней приезжает, потому что до сих пор не может забыть ее. Но и он, и она понимают, что между ними ничего не может быть.

— А я ничего и спрашивал, — отвечает Павел, смотря на сцену. — Ты уже решила, о чем будет спектакль?

— Нет, — говорит Ева, продолжая щелкать семечки. — Пока я еще не придумала. — Но я уже успела помахать «интеллектуальным фаллосом» перед носами руководства театра, поэтому мне можно думать столько, сколько мне влезет.

— Ты думаешь под семечки? — улыбаясь, спрашивает Павел.

— Да, это единственный способ безнаказанно плевать, глядя на сцену.

— А почему ты бросила курить и перешла на семечки? — спрашивает Павел.

— В моем возрасте курить уже нецелесообразно, курить надо молодым, чтобы сократить себе жизнь. А мне я чувую, что мне и так недолго осталось, — смеется Ева. — Да, — переходит она на более серьезный тон, — я бросила пить и курить, и по большей части есть, но, надеюсь, ненадолго. Мое тело оказалось не создано для искусства. Душа создана для искусства, а тело не создано, такая вот фигня получилась. Я беру из своего серебряного портсигара сигарету и, прикурив ее, начинаю задыхаться. Видимо, двадцать лет непрерывного курения сделали свое дело. Наливаю в бокал хорошего красного вина и, выпивая, я понимаю, что скоро наступит отрыжка. Отрыжка или изжога. Часто они приходят ко мне вдвоем. Желудок и легкие отказывают мне в праве наслаждаться искусством курения и наблюдать за тающими в воздухе кольцами дыма. Я даже не могу больше опьянеть безнаказанно. Поэтому теперь для меня остаются только семечки и пустота. Здоровые и молодые скоро вытеснят меня с моего режиссерского кресла, из моей чудо-квартиры и с этой необъятной планеты. Хорошо, я завернула, правда? — улыбается Ева.

— Очень жизнеутверждающе, — отвечает Павел.

Ему грустно слушать иронию Евы над самой собой и смотреть в ее изъеденное усталостью лицо, ведь когда-то она была красавицей, и многие наперебой ухаживали за ней, включая его. Но сердце Евы билось исключительно для искусства, поэтому она уехала в Санкт-Петербург «учиться на режиссера». А потом она связалась со своим однокурсником, с которым они прожили душа в душу около пятнадцати лет, детей у них не было, потому что у них была страсть к искусству. Десять лет назад Ева вернулась в свой провинциальный городок. Она вернулась совсем другой, она была все еще хороша, но в глазах бывшего огня уже не было. Ева стала много пить и за десять лет она из цветущей женщины превратилась в обрюзгшую бабу, которая начинала день с шампанского и заканчивала красным вином. Ева спивалась, и с этим ничего нельзя было поделать. Она набрала больше двадцати килограммов лишнего веса, волосы ее поседели и поредели, это было очень заметно. Поначалу она не хотела работать, сколько ей не предлагали. Павел сам приезжал к ней в гости, но она уже не такой — что-то сломалось в ней, она стремительно шла ко дну, и ей не нужно было, чтобы ее спасали.

— Самой нравится, — улыбается Ева. — Талант, как говорится, не пропьешь, хотя с этим можно поспорить. Как, кстати, твои делишки? Как

жена, любовница? А то сидишь тут такой в сером костюмчике, респектабельный до чертиков. Особенно это бьет по глазам в нашем клоповнике. А я не люблю, когда меня бьет по глазам.

Ева под клоповником имеет в виду этот театр, который называется «Ветер». До него здесь был хозяйственный магазин, потом его переделали в кафе, а потом только сделали театром. Но это Еве не мешает заниматься искусством, ее это забавляет.

— Жена хорошо, дети тоже. Большие уже. А любовницы у меня никогда не было, ты же знаешь.

— Товарищи, больше драйва! Если вы так будете шагать, то зрители могут подумать, что наш «Ветер» дует из зада лошади! — кричит Ева шагающим на сцене мужчинам-актерам. Ева не любит говорить о семьях, о детях, ведь ей уже сорок пять, и детей у нее нет. Раньше она считала, что режиссер не имеет право заводить детей, поэтому она их и не завела. — Жаль, что любовницы нет, — слегка поворачивает Ева голову к Павлу. — Тебе давно пора гормон гасить в объятьях свежих красоток, а то его скоро не останется. Ни одного. И на старости лет ничего будет вспомнить. Ничего, жена потерпит, не она первая, не она последняя. Кстати, как тебе мои мнущие сцену дни, браво ногу кладут? — хохочет она немного искусственно.

— Это дни?

— Да, это дни. Это дни в кирзовых сапогах, и они идут. Дальше я пока не придумала, но обязательно придумаю. А ты посмотри, посмотри, как они идут! Скоро и твои дни пройдут, а ты так и не успеешь урвать у жизни хоть какую-нибудь даже самую занюханную захудалую любовницу.

Павел смотрит на Еву, нещадно щелкающую семечки, и он не понимает, как она так может насмеяться над его чувствами. Ведь он любит ее уже больше двух с половиной десятков лет.

— Я, пожалуй, пойду, — говорит Павел.

Он знает, что когда он будет уходить, Ева даже не наградит его взглядом. И это правда.

— Еще раз повторяю, — кричит Ева случайно зашедшему в зал администратору, — мне ни к чему здесь кривоногие особи, которых с дальнего ряда от баб без детального рассмотрения не отличишь! Неужели всем городе не найдется сорок нормальных мужиков с размером ноги не меньше сорок четвертого? Если нет, то ищите их хоть по всей стране! Где ты мне этих сотрясателей яиц надыбал? Мне нужно, чтоб от их шагов тряслись не их яйца, а вся Вселенная!

Ева встает, забыв убрать газету с колен, и шлейф из шелухи от семечек остается за нею. Но она даже не обращает на это внимания. Потому что это не царское дело. Ева часто употребляет это выражение, периодически заменяя его на — не твое

собачье дело. Поэтому все то, что у нее не царское дело, получается собачьим. Ева во всех предпочитает сталкивать полярности, потому это порождает в ней ураганы противоречий, энергией которых она питается. Ева — человек страстей, оставивших на ее внешности свой глубокий след. Спокойно жить Ева не может. Спокойствие для нее — это пытка.

— Все, мальчики, свободны! — говорит Ева актерам на сцене. — Господь явно погорячился, создав вас мужчинами.

Ева сегодня не в духе, и она от долгого сидения прихрамывает. Еве хочет курить, но ей нельзя. Когда Ева чем-то огорчена или не в настроении, ее боятся все. Она не стесняется в выражениях. Ева вообще не любит стесняться, потому что это мешает ей вытеснять из театра ненужных людей и жить так, как ей нравится.

2

— А потом будет сказка, новые возможности, новая жизнь, новый театр и карьера, и можно играть и играть, до одуренья играть! — говорит Элона, театрально падая с закинутой над головой рукой на застеленную розовым покрывалом кровать. — Главное уехать отсюда, уехать отсюда, где у нас с тобой нет никакого будущего, —

улыбаясь, продолжает говорить Илона, устремив свои горящие стальным блеском глаза в потолок. — Москва, мой милый Жан, Москва создана для того, чтобы мечты сбывались. Москва — это место, где сбываются все мечты! Москва, это даже лучше, чем рай, потому что в раю нет секса. А в Москве все пронизано сексом и жаждой жизни, там все заряжено, как электричеством, жаждой жизни и творчества.

Жан и Элона любовники и ровесники, которым уже минуло двадцать три весны. Они живут вместе уже второй год. Но они не простые любовники, а те, которые хотят в будущем узаконить свои отношения. Жан — профессиональный инженер, а Элона профессиональная актриса. Элона очень хочет, чтобы Жан уехал с ней в Москву, поэтому она хочет пристроить его в тот театр, где она работает. Она думает, что они вместе с театром могут уехать вместе вначале на гастроли, а потом там смогут закрепиться, остаться. Она рассчитывает, что его возьмут в массовку. Единственное, что смущает Элону, это то, что Жан темнокожий, а темнокожего пристроить в театр, как ей кажется, гораздо труднее. Потому что для него предусмотрена всего одна роль — роль Отелло. Элона очень красивая блондинка с очень светлой кожей, она — надменная высокая гордая, а Жан темный и невысокий. Вместе

они представляют из себя очень интересную пару, как черное и белое, но это только внешне красиво выглядит, потому что внутри этой пары полный разлад. Они как противоположные стороны дуальности хотят друг друга, но не могут быть вместе.

— Да меня и быль устаивает, что мне это сказка, — недовольно отвечает Жан.

Жан не хочет никуда переезжать и тем более становится актером, потому что его и так все устраивает. Он скептически смотрит на планы Элоны. Его привлекает сейчас больше не мысли о Москве или театре, а ее гладкая красивая подмышка, в которую, как ему кажется, можно посадить цыпленка.

— Только подумай, Жан, сколько возможностей может дать нам столица! В столице ведь совсем другие люди, они — продвинутые. С твоим цветом кожи это нам будет как нельзя кстати. К тому дети, которые у нас рождаются лет этак через двадцать, наверняка они тоже будут черненькими, как ты, негритятами. Им гораздо лучше будет в Москве, чем здесь в этой дыре, где все друг друга знают. По крайней мере, в Москве их не станут дразнить черножопыми, их скорее будут называть афрозадами, — смеется Элона. — Культура. Столица. Там, где Москва, там культура и столица. Да и я, грешная, перестану играть эти все

дебильные роли второго плана и сыграю уже что-нибудь настоящее, за что не стыдно.

На самом деле Элоне ни за что не стыдно, потому что у нее отсутствует это чувство. И роли, которые ей достаются в театре, не такие уж и незначительные, как она говорит. И играет она гораздо больше, чем многие актрисы в этом театре. Но Элона любит прибедняться. Она никогда не скажет, что у нее все хорошо, потому что она никогда не удостоит мир такой чести, как быть ей приятным. Она всегда будет уличать свою жизнь в неполноценности, и видеть черный цвет даже там, где его нет. Ей доставляет почти физическое удовольствие порассуждать, как все плохо, усиливая несовершенства своей судьбы и всего мира в целом. Она таким способом как будто бы пытается удовлетворить свою потребность в агрессии к миру, где ее, как ей кажется, недооценили. Внешнее она холодная и даже сдержанная, а внутри — воинствующая и агрессивная.

Жан настолько привык к этому, что уже не особенно реагирует на высказывания Элоны. Он хочет верить в то, что она не злая, а только прикидывается злой, потому что ему так легче существовать.

— Ну что ты так смотришь на меня и ничего не говоришь? — спрашивает Элона, смотря на

Жана, который сидит на стуле, обняв его за спинку. — Как будто я со стенками разговариваю.

— А что мне сказать? — отвечает вопросом на вопрос Жан. — Мне кажется, что ты уже все решила за нас обоих. Ты решила, что мы будем жить, как идиоты, в Москве, потому что если не жить в Москве, то лучше вообще не жить.

— Ну почему же, как идиоты? Ты, по всей вероятности, как идиот там и будешь жить, ты, собственно говоря, и здесь так живешь. А я буду жить, как королева! — улыбается Элона. — Очень хорошо, Жан, очень хорошо, что ты понимаешь, кто в доме хозяин, — продолжает Элона немножко надменно, тайно радуясь своей власти над Жаном. Круговорот подмышки затягивает Жана. Но Элона опускает поднятую руку так, что Жану, физически становится тесно и темно. — И ты ведь знаешь, сколько я натерпелась из-за тебя. Ты ведь не такой, как все, — произносит Элона, имея в виду цвет кожи Жана. — Чего стоили одни разговоры с родителями. Поэтому ты мне должен за моральный ущерб.

Элона очень часто говорит Жану о том, какая она смелая, что встречается с ним, ведь он «не такой, как все», потому что Жан — темнокожий. Жану это не нравится. Ему не нравится, что она постоянно указывает ему на то, что он особенный и на то, что она «очень много испытала из-за него».

Жан иногда даже забывает о том, что он «не такой, как все», потому что все уже давным-давно привыкли к его цвету кожи, но с завидной регулярностью Элона напоминает ему об этом. Жан не знает, что Элоне нравится встречаться с чернокожим мужчиной, потому что это делает ее в глазах многих «не такой, как все» и делает более заметной, особенной, выделяющейся на фоне всех остальных.

Жану жаль, что Элона опустила руку, и что он больше не может созерцать ее красивую подмышку, в которую он хотел бы спрятаться или уткнуться в нее носом. Это подмышка напоминает ему колыбель, содержащую в себе мудрость материнского чрева. После того, как Элона опустила руку, Жану волей-неволей пришлось спуститься с небес на грешную землю. Раньше Жан отказывался переезжать в Москву, потому что он не мог оставить бабушку, которая его воспитала. Но недавно бабушка умерла, поэтому Жан больше не находит существенных аргументов, чтобы отвечать Элоне отказом. Но в Москву Элона собирается через участие в спектакле, который ставит Ева. Элона уверена, что ее в этом спектакле увидят и обязательно заметят и куда-нибудь пригласят. Но Элоне и этого мало, она еще хочет, чтобы Жана приняли в массовку, ведь это позволить не тратить деньги на его проживание в Москве, когда они

поедут туда со спектаклем.

— Окей, что нужно делать? — мычит себе под нос Жан. — Когда у вас там пробы в массовке? — устало спрашивает он, даже не глядя на Элону.

Элона взвизгивает от счастья и, резко поднявшись с кровати, бежит к Жану, чтобы обнять его. Такой порыв чувств немного сбивает с толку Жана. Жан не понимает, где она настоящая, а где она играет. Потому что если несколько минут назад она была высокомерная и надменная, а сейчас ведет себя, как простая озорная девчонка. Жан не знает, но почему-то ему хочется думать, что когда она ведет себя, как озорная девчонка, она настоящая, а все остальное — это просто образ, роль, которую она умело играет.

— Ну, наконец-то, ты согласился! — изображая счастье на своем лице, произносит Элона. — Вот увидишь, эта жаба возьмет тебя, — говорит быстро Элона, имея в виду Еву. — Я попрошу за тебя, и она возьмет тебя в массовку! Там как раз такие и требуются, как ты. Такие тихие, — Элона целует Жана в голову, — такие никакие, — Элона целует Жана в шею, — и чтобы они могли слиться с толпой, — Элона звучно целует Жана в ухо, Жан недовольно морщится. — Блин, — вдруг как будто бы осеняет Элону, — если тебя не возьмут из-за цвета кожи, то я намажу тебя своим тонаком или побелкой и погоню опять.

Жан морщится, но уже не от поцелуя в ухо, ему кажется, что про «погоню опять» она серьезно.

3

Ева открывает первый ящик комода и смотрит в содержимое ящика. У нее просто уже сложилась традиция — перед тем, как пойти в душ, она открывает первый ящик комода и смотрит в него. Ева открывает этот ящик, как открывают ящик в морге, чтобы проверить на месте ли мертвецы, которые раньше заставляли ее сердце биться чаще. Но Ева так отрывает не только этот ящик комода, иногда она так открывает и свою душу, чтобы посмотреть, на месте ли те воспоминания, которые еще недавно составляли часть ее жизни. И они всегда оказываются на месте, потому что они не вытесняются новыми. Ева намеренно не хочет брать от жизни новые ощущения, чтобы не выместить при их помощи старые. Обычно Ева ничего не берет с собой в душ, никакого белья, потому что все белье, что лежит в этом ящике ей мало. Оно очень дорогое, и оно мало ей. Она не надевала его уже почти десять лет, оно лежит в комоде с тех самых пор, как она переехала сюда из Петербурга.

После первого ящика она открывает второй ящик комода и берет из него, уже не глядя, какое-то

белье. Это белье недорогое, оно больших размеров, чаще всего хлопковое. Ева не любит белый цвет, потому что на его фоне она чувствует себя очень грязной и старой. Поэтому во втором ящике комода лежит белье самых разных оттенков розового и голубого. Она кидает его на кровать, чтобы надеть после душа.

В душе Ева открывает кран, и холодная вода льется на ее тело. Сорокапятилетняя Ева вздрагивает от холода, но она терпит, не произнося ни звука. Хотя, если бы она стала произносить звуки, ее бы все равно никто не услышал, потому что Ева живет одна. Ева понимает, что она должна проснуться. После холодной воды она включает горячую. Контрастный душ должен помочь ей прийти в форму и немного восстановить ее нервную систему, которая уже давным-давно пришла в негодность из-за раздираемой противоречиями внутренней жизни Евы.

Ева считает себя режиссером старой советской закалки, поэтому она понимает, что без дисциплины вообще ничего не будет. И Еве теперь нужна эта дисциплина, режим дня и отказ от вредных привычек, чтобы взять тайм-аут перед неминуемым концом жизни. Раньше, когда она не работала, а этот период растянулся на целых десять лет, она вставала только после полудня, но сейчас ей нужно придерживаться установленных правил.

Ей нужно вставать в шесть утра, чтобы потом ехать в театр и быть способной думать над постановкой.

Ева переключает горячую воду на холодную, и ей становится хорошо, а потом снова холодную на горячую. Но ей становится хорошо ненадолго, потому что, находясь в тепле, Ева начинает думать о том, как она выглядит сейчас в данный момент времени. А выглядит Ева не совсем хорошо. Точнее, она выглядит ужасно. Ева очень рада, что в ее ванной комнате нет зеркал, потому что они бы сделали ее существование здесь невыносимым. Ева смотрит на свои ноги, она понимает, что ее обвисшая от времени грудь, даст ей рассмотреть их в полном объеме. Ноги Евы ничем не примечательны, они такие же, как практически у любой возрастной женщины. Вены на них немного вздуты, потому что вены не выдерживают ее горячую кровь. Но не они привлекают внимание Евы, она часто обращает внимание на свои ногти на ногах. Ева улыбается, потому что она вспоминает, как она говорила в детстве, то это не просто ногти, а окошечки, из которых непременно когда-нибудь выглянуть ангелы. Ева любила всегда что-то придумывать и сейчас любит. Ева смотрит на свои ногти, принадлежащие пальцам двух ног, она смотрит на все десять ногтей, ожидая, что из этих ногтевых окошечек выглянут ангелы. Это странно, ведь с момента этой придумки прошло уже больше

сорока лет, а Ева до сих пор их ждет... Потому как не смотря ни на что Ева не научилась верить в чудо. Ева не имеет права не верить в чудо, потому что она режиссер, и не какой-нибудь, а театральный. Театральные режиссеры обязательно должны верить в чудо, это у них профессиональное. Если она не будет верить в чудо, то его не произойдет. А на сцене чудо — это явление обязательное, без которого обойтись нельзя. Ева выключает воду, отряхивается, почти как собака после дождя, и руки, на которых видны вставшие дыбом волосы, покрываются крупными мурашками.

Ева не любит вытираться после душа полотенцем, поэтому она ждет, пока она вода с нее стечет сама, и она подсохнет. Поэтому, выйдя после ванной, она оставляет за собой мокрые следы. Чувствуя, как тонкие струйки воды стекают по ее спине, Ева наливает себе чай, который она предпочитает чрезмерно крепкий и без сахара. Чаще всего Ева кладет себе в чашку сразу два пакетика, но только лишь потому, что она считает, что умирать одному пакету в кружке как-то скучновато. Ева представляет себя этим чайным пакетиком, который просто необходимо окунуть в театральное действие, ибо искусство требует жертв.

Иногда, перед тем, как высушить волосы и надеть белье, Ева думает, а не смотрит ли на нее

кто-то в окно. Ее бы совсем не смутило, даже если бы смотрели. Ей даже в какой-то степени было бы приятно осознавать, что мучения от созерцания ее изъеденного временем тела, получает не только одна она. Ева так долго жила одна, что она научилась занимать себя интересными мыслями, чтобы не сойти с ума. И одними из самых интересных мыслей Ева считает мысли о времени, которое совершает тысячи действий над человеком, как будто ставит над ним эксперименты. Ева знает, что у времени есть два стиля общения человеком: в первом случае, оно неоднократно пинает под зад вероломно, а во втором — вежливо или, по крайней мере, в щадящем режиме.

Ева садится на стул, чтобы выпить чай и смотрит вниз. Седые волосы у нее есть везде, потому что время все не щадит тело. Но Ева не хочет соглашаться с наступающей на ее горло и другие части тела со старостью, Ева по-прежнему верит в чудо. Потому она не может, не имеет право в него не верить, ведь в ближайшие три с половиной месяца ей придется создавать это чудо на сцене, точнее создавать ему все условия, чтобы оно случилось, произошло. Ева делает глоток из чашки, и черный чай оказывается в ее сорока пятилетнем теле. Она как будто видит, как этот чай плюхается коричневенькой водичкой на ее не долеченную язву желудка и перемешивается с

желудочным соком. Она знает, что душа ее не подведет и выдаст ей все, что нужно для творчества, а вот в теле она не уверена, а вот от тела она ждет в любую минуту подлянку. Но все же Ева надеется, что и оно ее не подведет. По крайней мере, в ближайшие три с половиной месяца. А что будет потом, Еве не важно. Она не загадывает так надолго. Главное — поставить спектакль, а потом будь что будет.

4

— А что я ей скажу? — спрашивает Жан, который явно не в духе.

У Жана взъерошенные волосы и заспанное лицо. Ему не нравится сама мысль, что он будет проситься в театр, в котором он и не хочет работать. На самом деле Жан надеется, что его в этот театр не возьмут. Он почти уверен в этом.

— Не знаю, милый. Скажешь, что жить не можешь без театра, бредишь сценой, скажешь, что согласен работать в массовке с утра до вечера. Главное, покажи ей свои ноги. Ноги — это твой входной билет в массовку. Ты бы видел, как эта жаба вчера вырядилась, вся в мехах. Меха на плечах и под носом у нее тоже меха, — смеется Элона. — Понять не могу, за что ее так все любят. Лично я ее терпеть не могу. Противная старая

мерзкая жаба. Как подумаю, что тебе придется перед ней унижаться, то мне даже не по себе становится. Но цель, как говорится, оправдывает средства. Ладно, садись есть, — Элона наливает в тарелку жидкую кашу и ставит ее на стол.

— Что это? — спрашивает Жан, глядя на кашу.

Жан избегает разговоров о театре. Ему это все неприятно. Его вполне устраивает работа учителем математики в школе. Кроме того, Жан учится заочно в аспирантуре и собирается стать кандидатом технических наук.

— Ты что не видишь? Это овсяная каша. А что ты хочешь, кашу из божьих коровок, которых перед этим не подоили? — усмехается Элона.

— Да нет, — печально говорит он. — Но просто уже третий день подряд мы едим овсяную кашу. Это ж рехнуться можно.

— Ну не знаю. Кому-то, может, можно и рехнуться, а тебе Жанчик необходимо потерять пару килограммчиков, а то с твоей наглой ряхи жир свисает. Так что ешь. К тому же, не могу же я нам отдельно готовить. У меня мало времени, мне нужно работать над собой, заниматься, развивать пластику. Так что ешь. Ешь, Жанчик, ешь овсяночку. Ну или не ешь. Мне без разницы. Не забывай, что мне уготована главная роль в спектакле, и я должна предстать перед публикой во

всей своей красе, — любуясь собой в зеркале, произносит Элона.

Зеркало — это любимый предмет Элоны, и она всегда любит себя, когда ей представляется такая возможность. Она бы всю жизнь любовалась только собой, потому что только так можно сделать, чтобы ею любовались другие.

— Мдя-я, — протягивает Жан. — С виду это напоминает мне еду, которая уже не раз проходила через кишечник, — произносит уныло Жан, думая, что эта мутная и тягучая каша похожа на его жизнь, потому что и то и другое — болото, которым он сыт по горло.

— Ты знаешь, что я думаю, когда смотрю на нашу жабу, — говорит с улыбкой Элона. — Я думаю, что она такая нервная, потому что ее никто не ебет. Сдается мне, что эта дама очень охоча до молодых мальчиков. Если это так, то она может положить на тебя глаз, и ты сможешь пробиться в массовку через постель. Я уже взрослая девочка, поэтому понимаю, что, в общем, это нормально. Поэтому один раз я тебе разрешаю. Закрой глаза, и подумай об Африке, — смеется Элона.

Жан бросает ложку и выходит из комнаты.

— Ну Жан, ну куда ты, я ж пошутила! — кричит она ему в след.

Но на самом деле Элона не шутила, она во что бы то ни стало хочет выбраться из этого города в

Москву, поэтому рассматривает все возможные варианты. Элоне уже двадцать три года, и она понимала, что время ее молодости неумолимо уходит, ведь нельзя же быть вечно молодой и красивой.

Элона знает, что хоть Жан и вспылит, но он никуда не денется от нее, он обязательно вернется, потому что он не может ее не любить. Он уже уходил не раз и каждый раз возвращался. Она об этом не беспокоится, гораздо страшней для нее, что сейчас ей придется теперь самой проглотить пять полных ложек овсяной каши, сваренной на воде. Иногда у Элоны возникает рвотный рефлекс, как только она чувствует запах этой каши. Но Элона терпит, она будет есть ее через силу, потому что она должна быть молода и свежа, а без овсянки идеальной кожи трудно добиться. Она хочет держать себя в форме, поэтому готова есть ее через силу, с трудом сдерживая рвотный рефлекс. Обычно Элона говорит себе во имя чего она ест эту кашу, ведь чтобы проглотить ее нужен стимул. Перед тем, как она начнет есть, Элона настраивается около десяти минут на то, чтобы съесть эту кашу.

Элона сует ложку в рот, а потом быстро глотает кашу.

— За то, чтобы у меня была такая внешность, о которой только можно мечтать, — произносит

Элона вслух. Обычно она не уточняет, о чем конкретно она мечтает, потому что конкретикой Элона боится сузить спектр своих желаний, а соответственно и спектр их исполнений.

— За то, чтобы у меня была своя квартира в Москве, — глотает Элона вторую ложку.

— За то, чтобы в меня влюблялись мужчины, самые богатые и самые лучшие. И за то, что у меня все получилось, — произносит Элона и слышит, как пришел Жан.

Элона никогда не ест ложку за маму и за папу, как обычно учили ее в детстве. Она считает, что уже слишком повзрослела с тех пор, чтобы сейчас думать о других. Она думает о себе, и в приоритете у нее не близкие люди, а успех, признание, слава.

Жан пришел не с пустыми руками. Он в магазине, который находится прямо под их домом, купил чипсы и кока-колу. Элона не понимает, как можно есть эту дрянь, но ей тоже хочется именно такой дряни. Поэтому когда она увидела, что у Жана в руках, то у нее сразу случился приступ раздражения. С одной стороны она не понимает, как можно быть таким пофигистом и так наплеватьски относиться и есть вредную пищу, а с другой — понимает, что только такая пища доставляет ей удовольствие. Но она не ест ее, боясь, что это помешает ее успеху и славу, которую

она напрямую связывает со своей внешностью. Плохая внешность — плохая судьба, а хорошая внешность — судьба благополучная.

— Ты такой же, как эта кока-кола, — недовольно произносит она, не пытаясь скрыть своего раздражения. — Таких слишком много, — говорит с вызовом она Жану, усевшемуся перед телевизором. — Нельзя быть таким нецелеустремленным, когда рядом с тобой такая женщина, как я. Место рядом со мной, Жан, еще нужно заслужить. А когда у тебя в жилах течет кока-кола, это сделать довольно трудно, — с трудом глотает Элона последнюю пятую ложку каши, совершенно забывая снабдить ее пожеланием, потому что нарисовавшееся на лице Жана счастье мешает ей сосредоточиться. Она с ужасом думает, что он сейчас будет хрустеть картофельными чипсами и получать от этого удовольствие. Ей даже хочется надеть тарелку с остатками каши ему на голову.

5

Ева кладет трубку на голову старого бежевого телефонного аппарата и испытывает облегчение. Она испытывает это облегчение в три с половиной часа утра. Она звонила своей помощнице Леночке, которая в любое время дня и ночи должна сидеть на

телефоне и ждать он нее звонка. Ведь самые неожиданные мысли по поводу спектакля могут прийти в голову Евы в любое время дня и ночи, поэтому Леночка должна быть наготове, чтобы все это записать и обеспечить мыслям Евы материальное воплощение.

У Евы бессонница, и она не может заснуть. Она знает, что она уже не уснет, поэтому она, одетая в ночную сорочку и с взлохмаченными от сна волосами, идет на кухню есть семечки. Теперь до утра она будет мерить время горстями подсолнечных семечек. Даже многие соседи заметили, что в окнах Евы очень часто по ночам горит свет, потому что Ева не спит. Ева сидит за столом и ест семечки. Ее голова пуста, потому что она только что освободила ее мыслей, навеянных долгими размышлениями от ее снов.

Еве приснилась она сама. Она увидела себя во сне, только она была гораздо моложе своих лет. Ей было около двадцати, и она была молода и стройна. Ее кто-то во сне попросил назвать имя, и она сказала: «Ева», а потом этот самый кто-то, которого она не видела, попросил назвать отчество, и она почему-то ответила: «Пустота». Этот сон передавал страхи Ева, которые она сама не осознавала. И эти страхи вырвались наружу из подсознания. Ева все время боялась этой пустоты и чувствовала с ней кровную связь, как будто она является ее дочерью,

ее порождением. Именно поэтому Ева боялась быть счастливой, потому что счастье опустошает, счастье заглушает гул мироздания, который можно получить только вместе со страданием. Ева сама себя приговорила страдать, потому что только через страдание она могла что-то дать искусству и что-то взять от него, и как ни странно в этом она и свое сложное счастье и даже больше — цель жизни.

Во сне Ева видела себя в вечернем ярко красном с огромным шлейфом платье. Ева видела себя со стороны, как будто она актриса. Она взбегала по лестнице и все время оборачивалась, кому-то улыбаясь. Ева чувствовала себя обольстительной. Ева любила свое лицо. До гормональных изменений, произошедших в ее организме, ее лицо считалось очень милым, почти красивым. Сама же Ева считала его прекрасным, потому что в молодости ей был очень свойственен нарциссизм. Она с рождения знала, что здесь, на планете Земля ей уготована особая участь. Только поначалу она не знала, какая именно. Но с возрастом Ева стала понимать, что именно профессия режиссера дает ей ту власть, которую она хотела. Власть над миром своих иллюзий.

Уже начиная понемногу отходить от сна, в голове Евы уже крутилась мысль, что нужно позвонить Леночке, и сказать ей, что у них в спектакле одной из главных героинь будет

женщина в красном платье, женщина-призрак, символизирующая большую любовь. И еще Ева думала, что нужно заказать винтовую лестницу, которая во время спектакля будет стоять на сцене.

Ева весь окружающий мир воспринимала сквозь призму эстетики. Она искала вдохновение и находила его везде, в том числе в своих снах. Ева любила спать, но только потому что она работала даже во сне. Сон был для нее рабочим процессом. Ева знала, что умная мысль или хороший образ может прийти в любой момент. Вдохновение может прийти, когда она будет ходить по магазину, жарить себе яичницу, спать или вспоминать события давно минувших дней. Ева это знала, но именно вспоминать она боялась больше всего, потому что она могла страдать не из-за того, что с ней произошло в жизни, а из-за того, чего в ее жизни не было. Вместе с воспоминаниями приходило осознание того. Что многое жизни она упустила, может быть, упустила саму жизнь. Упущенные возможности тиранили ее душу. Ева отчетливо осознавала, что она недолюбила, не состоялась как мать и была плохой дочерью. Она упустила эти возможности.

Ева поворачивает голову и смотрит на часы. Часто смотря на часы, Ева особенно остро ощущает, что времени остается все меньше и меньше. Раньше, она торопила его, а сейчас ей

хочется остановить его, чтобы почувствовать прелесть ускользающей жизни. Но его невозможно остановить в жизни, его можно остановить только в спектакле. А в жизни оно тикает, тикает, тикает. Секунды Еве напоминают семечки, которые она нещадно грызет зубами. Однажды, когда Ева была маленькой девочкой, она подставила стул и отломала стрелки часов, которые висели у них в гостиной. Но несмотря на это, время продолжало идти, и это стало первым знаменательным открытием в ее жизни. Стрелок нет. А они все равно тикают, время все равно неумолимо идет вперед. Думая о времени, Ева не может думать о спектакле. Поэтому она отключает время в своей голове и вообще часто голову отключает. Она давно заметила, что с отключенной головой легче работается. Потому что начинает думать душа. Голова и время часто мешает душе жить в полную силу.

Ева придумала женщину-призрака в красном платье, а еще в спектакле одна из главных ролей принадлежит сорока мужчинам, которые олицетворяют собой сорок дней после смерти любви. Ева пока не придумала, как это все совместить, но она точно знает, что *ви дение* картины в целом придет к ней чуть попозже. И, щелкая семечки, она уже чувствует, как озаренье идет. У Евы не возникает сомнений, что спектакль

будет готов точно в срок. Он как будто сам создается, а она только помогает ему родиться на свет. Как повивальная бабка при родах.

Больше всего Ева любит раннее утро, которое наступает около пяти часов утра. Это волшебное время для Евы. Обычно в это время она, если не спит, подходит к окну, чтобы как рядовой офицер отдать честь новому дню, возникающему у нее глазах. Ева служит каждому дню своей жизни, которые она посвящает искусству. И ее жизнь ею самой измеряется не в годах, которые она прожила, а в спектаклях, которые она создавала.

6

— Если я завтра приду, и здесь еще не будет заделана эта дыра, то я буду очень злиться, — говорит Ева голосом, звенящим энергией недовольства. Ева показывает рукой на пол, пробитый рабочими, устанавливающими винтовую лестницу на сцене. — Я, конечно, понимаю, что сцена у нас женского рода, но не до такой же степени, чтобы у нее были такие ярко выраженные половые щели. Это, господа, уже называется порнография. А мы тут занимаемся искусством, и только иногда порнографией. Так что когда я завтра приду, чтобы ее здесь не было. Она меня сбивает с ритма мыслительной деятельности, — приподняв

бровь, говорит она.

Ева вообще пошло шутит и часто смеется, как мужик, над своими шутками. Она может зайти на сцену раскинутыми в стороны руками и сказать: «Ну, кто еще хочет попробовать комиссарского тела!». Это шутка, у нее все шутки такие, и все смеются над ними, ведь это же Ева. Она может запросто подойти к какой-нибудь молодой актрисе с хорошими формами и, заглянув в ее ложбинку, спросить: «Ну и почему нынче килограмм груди?». Ей все прощается, но близко к себе Ева не подпускает, простые смертные всегда должны знать дистанцию и ее соблюдать, они должны знать то, что обычно выражается в словах: «Где ты, а где я». Это может быть выражено и в таких речевых оборотах: «Адмирал Нахимов» и маленькая моторная лодочка, Мать-Земля и пыль на подоконнике, Королева и ее подданные, а также другими сравнениями, подчеркивающими ее значимость. Она, разумеется, всегда первое, а все остальные — второе, которое может меняться в зависимости от ее настроения. Но даже несмотря на это ее все любят, потому что монарх строг, но справедлив.

Рабочие знают, что у Евы блестящий матерный русский, поэтому они догадываются, что их ждет, если дыра не будет заделана вовремя. Но на самом деле Еве наплевать на эту дыру, которая

возникла только недавно. Еве хочется просто что-то сказать, послушать свой голос, самовыразиться. Она чувствует в себе желание поговорить, и чтобы ее при этом слушали. Она хочет сыграть роль строптивой и исполненной гнева женщины, и она себе дает эту роль. Она себе это позволяет. Если бы не было этой дыры, Ева нашла бы к чему ей придраться. В крайнем случае, она сама бы сделала эту дыру, а потом долго допытывалась о том, кто ее сотворил.

— Ева Александровна, я хотела обсудить с вами кандидатуру моего знакомого, который хочет попробовать свои силы в массовке, — произносит Элона, дождавшаяся пока Ева немного притихнет.

Элона кажется, что Ева уже выпустила свой пар, поэтому сейчас ее можно будет просить об услуге, и она вряд ли откажет. Конечно, просить Еву о чем-либо для Элоны унизительно, но еще более унизительно для нее — это провести остаток жизни не в столице. Поэтому Элона ненадолго, всего на один разговор с Евой смиряет гордость.

— А знаем мы этих знакомых? — как будто бы между прочим произносит хриплым голосом Ева, еще не успевшая сойти со сцены. — Хахаль что ли твой, или как сейчас у нас говорит молодежь — ебарь? — хитро смотрит Ева по сторонам, надеясь, что найдутся люди, готовые оценить ее острый язык.

— Нет, — довольно жестко отвечает Элона, тоже взошедшая на сцену, где стоит Ева. — Друг сердца, скажем так, — добавляет она, стараясь скрыть свое негодование из-за того, что Ева слишком много себе позволяет. Элона пытается сдержать свое раздражение.

— Я думаю, что все же друг какого-то другого органа, — продолжает Ева в свойственном ей весело-пренебрежительном тоне. — Да и не такой уж и друг в последнее время, судя по твоей нервозности, — с улыбкой добавляет она. — А друг какой? Молодой? Сексуальный? Талантливый? Активный? — театрально прищуривается она.

— Ему двадцать три, — отвечает Элона, не понимая, как она должна ответить на вопрос Евы. — Ну и да, у него хорошие данные.

— Да что мне эти данные, — улыбается Ева, прохаживаясь по сцене. — Мне главное, чтоб ножки хорошие и попка, как орешек, — смеется она, потому что ей нравится провоцировать Элону и видеть, как она хочет вспылить, но не может, потому что боится вылететь из театра.

— У него все отлично, — отвечает внешне спокойно Элона, чувствуя, что внутри ее разрывает от ярости.

— Тогда живьем будем брать, — наконец, произносит очень спокойно Ева, как будто она говорит об огурцах на рынке. — А в чем

проблема, — вслух рассуждает Ева, — пусть приходит, посмотрим на ноги, если диагноз подтвердится, то пусть пляшет в третьем ряду. Мне как говорится, не жалко, — снова иронизирует Ева, чувствуя одобрение тех, кто стал невольным слушателем их разговора.

Ева часто иронизирует. У нее это нервное. И часто смеется, это тоже у нее нервное. Она часто смеется от боли, она перекачивает боль в смех. Это подавленное рыдание. У нее «смеющаяся депрессия», которая длится у нее долго-долго.

— Но есть одно «но», Ева Александровна, — немного замявшись, выдавливая из себя Элона, — я вас сразу хочу предупредить...

Элона обращается к Еве исключительно по имени-отчеству, но не из-за уважения, чтобы показать ей, какая она уже глубоко немолодая.

— В твоем предложении уже я насчитала два «но», — перебивает Элону Ева. Она всегда ее перебивает, чтобы показать ей ее место. — Неужели он гей, что в переводе с английского «не хуже, чем вы»? — очень высокомерно предполагает Ева.

— Нет, — краснея от ярости, отвечает Элона. — Он просто темнокожий.

— Да, действительно, не совсем гей, — смеется Ева. — Неожиданный поворот и это в

нашем-то отсталом городишке, где отродясь не было ни одного негра! — восклицает она. — Интересно, кто круче негры или геи?

— Евреи! — смеются рабочие, ремонтирующие пол на сцене.

Элона очень сильно напрягается. Она не рада, что начала этот диалог, тем более при всех.

— А что, я сейчас так подумала, пусть приходит, — говорит Ева, бравирюя своим положением режиссера. — Должен же быть у нас хотя бы один черный день, а то все белые — это как-то нереально. Пусть приходит. Да, действительно, пусть приходит, — весело кивает она.

— Спасибо, — сквозь зубы выдавливают из себя Элона и нервно улыбается, желая как можно скорее закончить этот разговор, ставший для нее невыносимым.

Элона питает огромную неприязнь к Еве, и Ева это знает. Она знает на уровне интуиции, кто и как к ней относится. У Евы чутье животного. Элоне не по себе от того, что она теперь обязана Еве. Элону тошнит от нее.

Ева в шутку протягивает руку Элоне, как королевы протягивают своим подданным. Элона смотрит на Еву с ужасом, а Ева смотрит на Элону с вызовом. Она бросает вызов не просто Элоне, она бросает вызов в ее лице красоте и молодости, ведь

Элона считается одной из самых красивых актрис театра. Ева и просьбу-то Элоны выполнила лишь для того, чтобы иметь возможность протянуть Элоне руку как будто бы для поцелуя. Ева иногда позволяет себе маленькие радости, например, позлить ближнего своего. Особенно, если этот ближний женского пола. Сейчас ее ближний — это Элона.

Ева, выдержав паузу, разражается смехом, разряжая напряженную атмосферу. Ева смеется, и ее смех вызывающе молод и звонок. И даже сразу трудно отождествить эту женщину, протянувшую руку Элоне для поцелуя, с ее смехом. Потому что они такие разные.

Ева уходит, а Элона не может прийти в себя от того спектакля, который разыграла перед ней и с ней Ева. Но самое главное, Элона понимает, что протягивая руку для поцелуя, Ева не шутила. И это приводит Элону в бешенство. «Старая крыса, старая гнилая покрытая вековой плесенью мерзкая крыса, — неслышно произносит Элона».

7

Жан поворачивает голову в сторону, пока не добивается хруста шейных позвонков.

— О, хорошо, — произносит Жан, пытаясь привлечь внимание Элоны.

Жану скучно. Поэтому он снова поворачивает голову, но уже в другую сторону, пока шея снова не начинает хрустеть.

— Что ты делаешь? — через паузу спрашивает с закрытыми глазами Элона, застывшая на полу в медитативной позе лотоса.

Элона медитирует часто, чтобы улучшить свои актерские способности и цвет лица. Она не понимает смысла медитации, но все, кого она знает, медитирует, и она медитирует, пытаясь себя убедить в том, что участвует в чем-то важном. Жан оживляется от ее вопроса. Чтобы Жан оживился, его просто нужно спросить, что он делает, и он обязательно придумает, что он делает, даже если он ничего не делает.

— Пытаюсь расширить свой кругозор, — отвечает Жан, — чтобы видеть не только то, что ты меня избегаешь и не замечаешь. Но боюсь, что я так и сверну себе шею, а ничего нового так и не увижу в наших с тобой отношениях.

Жан любит давать такие ответы. Он относится к той категории мужчин, которые всю жизнь пытаются шутить, но в конечном итоге так никогда и не шутят по-настоящему.

— Да я как-то и не против, чтобы ты свернул себе шею, но только после того, как устроишься в эту долбанную массовку, и мы переедем в эту долбанную Москву, — отвечает холодно Элона,

которой уже надоело медитировать, и она не против себя развлечь разговором с Жаном. — Ты не представляешь, чего мне стоило уговорить эту усатую смердячую раздухаренную жабу. Я буквально переступила через себя. Я, можно сказать, во второй раз потеряла девственность. Я морально изнасилована. А ты ничего не ценишь, что я для тебя делаю.

— С каких это пор Москва стала долбанной? Она ведь раньше она была для тебя раем на земле.

— Не цепляйся к словам. Она и сейчас рай, и наша цель с тобой проложить, пробурить, продолбить себе туда дорогу при помощи театра. Театр, в данном случае, долбательная машина, буровая установка, наш с тобой танк, на котором мы въедет в новую жизнь. И, поверь мне, Жан, это жизнь меня уже ждет. Она уже живет в будущем.

— То есть все-таки она ждет только тебя? — уточняет Жан. — Ну что ж, ладно. Только я почему-то думал, что у тебя более высокое понимание искусства, а это оказалось всего лишь средством достижения Москвы, — произносит Жан недовольно, желая поддеть Элону.

— Не нуди, — отвечает в своей обычной манере Элона. — Что ты вообще в этом хоть что-то понимаешь? Я-то хоть институт театральная закончила, а ты вообще сбоку припеку. Искусство — это то, что я умею лучше всего. У меня мать

актриса и бабушка, кто, как не я знает, что такое театр и искусство. А ты даже в театре ни разу не был, сколько я тебя не звала. Так что не выступай тут, дитя Олимпиады 80-х. Молись, чтобы эта мегера тебя хоть в эту сраную массовку утвердила, потому что это твой единственный шанс уехать в Москву со мной.

Жан ничего не отвечает на это Элоне, потому что он уверен, что его не возьмут даже в массовку, и в глубине души он даже рад этому. Но Жану очень не нравится позиция Элоны по этому вопросу, ему бы гораздо больше понравилось, чтобы Элона использовала доминирующую позицию в постели, чем в жизни. Но для ей роль наездницы больше нравилась именно в жизни, и Жан ничего с этим не может поделать. Несмотря на свой достаточно молодой для мужчины возраст, Жан уже хочет жениться и создать семью, он хочет детей. Но Элоне ничего из этого не нужно. Ей нужны только деньги и слава. Она действительно верит, что в Москве ее кто-то ждет. Раньше она рассматривала Жана как временный вариант, но потом как-то привыкла, она даже перестала замечать его и темный цвет кожи, и его светлую душу. Для нее все было одинаково серо, кроме яркой манящей и светящейся ночными огнями Москвы.

Жан делает вид, что обиделся. Жан не

смотрит на Элону, опускает голову, как будто бы он обиделся, и Элону это напрягает.

— Жан, мой черный пупсик, посмотри на меня, — говорит ему Элона. — Или у тебя шея окончательно сломалась? Посмотри на меня и скажи что-нибудь своим огромным ротищем.

Жан молчит. Он терпеть не может, когда Элона называет пупсиком, и Элона это знает. Она специально так говорит, чтобы позлить его.

— Жан, ну чего ты, обиделся что ли? — не унимается сидящая на ковре и на полу Элона. — Ну что такое, что ты надулся, как мышь на крупу? Как черная мышь на черную крупу, — улыбаясь, добавляет Элона. — Или ты боишься, что если начнешь говорить, у тебя изо рта полезут черные слова? — смеется Элона.

Жану не нравится, что объектом насмешек для Элоны является его цвет кожи. Эти шутки за всю его жизнь ему уже порядком приелись.

— Отвечать на твои вопросы я считаю ниже своего достоинства, — говорит Жан и резко встает со стула.

— Да куда уж ниже, — почти сразу парирует недовольно Элона. — Я твоего высокого достоинства уже давненько не видела.

Жан выходит из комнаты, понимая, что вся его совместная жизнь с Элоной состоит из маленьких и больших скандалов, и один скандал

идет за другим, как вагончики. Но почему сейчас Жану кажется, что поезд их отношений летит в никуда, и ему периодически хочется сойти с этого поезда на первой же остановке. А иногда даже выпрыгнуть из не него на ходу.

8

— Да, заткнись ты уже, мамы нету дома, — говорит Ева своему телефону, разрывающемуся от звонков.

У Евы старый с облупившейся краской по краям сотовый телефон. Его зовут Федя, хотя чаще Ева называет его Федунчик. Ева часто дает вещам имена, которые ей давно служат, потому что так Еве интереснее жить. Отчасти она их одушевляет, потому что она очень одинока, и у нее нет детей. Менять она его не хочет, потому что привыкла к нему, привязалась, и он стал ей, как родной.

— Ну заткнись уже, — говорит она не унимающемуся телефону в ее кармане. — Ах, Жан, Жан, мой дорогой Жан, — произносит Ева, щелкая семечки. — А почему собственно Жан, это как-то не по-русски, можно сказать даже не по-христиански, можно я буду тебя называть просто Ванькой? Так вот, Вань, если я не была замужем за искусством, — продолжает она, не дождавшись ответа, — ты бы не выпутался из

могучей паутины простыней моей постели никогда.

Жан не понимает, зачем она разговаривает с телефоном, и почему она его не выключит, если он ей мешает. Жан смущается. Он не знал, что Ева станет разговаривать с ним в таком тоне и при этом еще щелкать семечки. Она напоминает ему громадную машину по щелканью семечек. Ева полностью занята поглощением семечек, лишь изредка она бросает взгляд из-под своих невыщипанных бровей на Жана. И эти взгляды пронизывают его насквозь, как молнии. Собеседование с Евой скорее напоминает монолог Евы, потому что Жан все время молчит.

— Ну ладно придурок, звони-звони, раз тебе так больше нравится, — обращается Ева к телефону. — Ты, я вижу, не очень-то хочешь произнести на меня впечатление, — произносит Ева, уже обращаясь к Жану и внезапно рыгает. Отрыжка у Евы бывает, потому что у нее слишком хорошо работает желудок. — Извините, — произносит Ева, ничуть не смутившись, что она издала этот звук при молодом человеке, как будто для нее действует только один закон: что естественно, то не безобразно. — Отрыжку я издаю многомиллионными тиражами, вместо улыбок. Возраст обязывает, — шутит Ева, и эта шутка повергает Жана почти в шок. — Жаль, что ты не хочешь соблазнить меня, это меня немного

расстраивает, — манерно произносит Ева, как будто бы немного за это на него обижается, и Жан не понимает, шутит она или говорит серьезно. — Ведь для того, чтобы быть добиться моего расположения, нужно все лишь иметь не самые заурядные сексуальные способности, — говорит Ева, кладя в рот очередную семечку и хитро поглядывая на Жана. — Мне тут про тебя столько рассказывали, — качает она головой.

Жан не хочет спрашивать, что конкретно ей рассказывали, ему страшновато, ведь Элона может сказать о нем все, что угодно. Все происходящее ему напоминает сон, и Жан просто ждет, когда он закончится. Еве нравится шокировать, и Ева шокирует Жана, а потом смотрит на его реакцию и радуется, наслаждается плодами своего шокирования. Ей приятно шокировать своими словами и своим поведением. Поэтому Еве очень нравится знакомиться с новыми людьми, которые еще не знают, чего от нее ждать.

— Сдох, — констатирует Ева то, что звонки прекращаются. — Ты любишь семечки? — спрашивает его Ева на собеседовании, где она должна больше интересоваться его актерскими способностями. Но у Евы всегда был свой стиль и метод.

— Не очень, — отвечает понуро Жан.

— Хорошо, — произносит, ничуть не

удивившись его ответу, Ева. — Я ведь тоже не люблю, а что в них хорошего? Руки портят, если их щелкать руками, зубы портятся, если их щелкать зубами, к тому же от них много мусора. Но что ж делать, если они единственные, кто может так хорошо убивать время. Вы знаете, я профессиональная убийца времени, и семечки — это мое любимое оружие, — смеется Ева, устраивая театр одного актера, где актер она.

— Может быть, я пойду? — спрашивает немного застенчиво Жан, не желая обидеть эту экстравагантную даму.

— Что ж, иди, иди, сексик, — пристально глядя на него, отвечает Ева, продолжая щелканье семечек. — Да, кстати, ты взят, — говорит она напоследок Жану. — Собеседование пройдено успешно.

Жан с ужасом оборачивает на Еву, он хочет сказать Еве, что не понимает ее. Он не понимает, что Ева симпатичных парней называет сексиками по той простой причине, что она просто не понимает, что еще с ними делать, особенно если они актеры ее театра. Зато Жан теперь совершенно точно понимает, что не хочет работать в театре и хочет сказать ей об этом прямо сейчас. Пока не поздно. Но неожиданно у нее опять начинает звонить телефон, и она лезет в карман за ним, считая, что разговор с Жаном уже закончен. Жан не

решается ее беспокоить, поэтому застыв на мгновение в растерянности, уходит.

— Ну зачем же мне звонить так настойчиво, если вы только не форменные ослы! — говорит Ева в трубку, и это последнее, что успевает услышать Жан перед уходом из зала.

9

Рука Леночки подпирает голову, а голова Леночки покоится на локте. И эта голова для Леночки в данный момент составляет большую ценность, потому что в этой голове, как на забытой планете вертятся всего один образ — проволочный силуэт человека. Про этот образ Леночка слышала только что по телефону от своего Бога, своей королевы и по совместительству своего режиссера по имени Ева. Теперь это не просто голова отдельно взятой особи женского пола, а голова отдельно взятой особи женского пола, наполненная заданием, полученным от Евы. Поэтому Леночка бережет эту голову, она даже поставила ее на локоть, как на пьедестал, и этой голове сейчас идет работа над тем, что сказала ей Великая Ева.

Леночка — помощник режиссера, а поскольку, Ева для Леночки — Бог, то она по праву может считать себя помощницей Бога. Леночке двадцать пять лет, она замужем, но это ее не очень

интересует, потому что весь ее интерес лежит в области театра и служения ему и Еве. Ощущение своей причастности к творческому акту — вот что ищет Леночка всей душой и к чему стремится Леночка. В театре она позволяет называть себя Леночкой, но когда она приходит домой все меняется. Леночка не позволяет усомниться в том, что она — Елена, холодная и властная, и какой бы походкой муж не ходил по комнате, это можно назвать хождением на цыпочках. Леночку надо бояться, надо бояться помешать ее мыслям, она сама себя так поставила, потому что даже дома она живет театром и думает о нем в полную силу.

— Ален, а где котлеты и кетчуп? Ты купила? — недоуменно спрашивает голодный муж Лены Игорь.

Игорь называет свою жену Леночку, Леной, Аленой, ему так больше нравится, потому что в имени Алена и Лена, по мнению Игоря, гораздо больше женственности и домовитости, которой так не хватает его жене. Но на самом деле Лена — это вообще не ее имя, по паспорту она — Лера. Игоря очень смущала в имени жены эта буква «эр», поэтому он решил ее заменить. Он при помощи этого имени он старается скорректировать ее характер, сообщить ему недостающие качества. Ведь сколько прекрасных примеров: Елена Прекрасная, Елена Премудрая, Аленушка, — есть к

чему стремиться. Леночка, которая от рождения Лерочка, в общем, не против. Ей вообще все равно, поэтому она так и живет под чужим именем, и все ее этим именем называют. Она привыкла и давным-давно успокоила себя тем, что жена — это актриса в театре мужа. Если бы даже он назвал ее любимым другим именем, она бы не обратила на это внимания. Такие бытовые мелочи ее не интересуют, Лену способно интересовать только настоящее драматическое искусство, способное вместить в себя целый мир со всей его многогранностью. С тех пор, как жена стала носить имя Лена, характер ее не изменился, но Игорь успокаивает себя тем, что если бы она осталась Лерой, то было еще хуже. Иногда он чувствует, что буква «эр», которую он запретил и убрал из ее настоящего имени, вырывается на свободу и показывает себя во всей красе.

Игорь старше Елены на четырнадцать лет, и он работает в области, далекой от искусства. Они женаты уже больше пяти лет, но детей у них общих нет, потому что Елена не хочет тратить на это время. Она вообще вышла замуж за Игоря, чтобы не тратить время на любовные похождения и все свое время целиком отдавать театру. Игорь для нее был хорошим способом сэкономить время на личной жизни, чтобы отдать его театру. Леночка хотела любить театр и отдавать ему свое время под прикрытием замужества. Игорь оказался

практически первым, кто обратил внимание на невзрачную Леночку. Они жили в одном подъезде. Игорь знал Лену с детства, она выросла у него на глазах, и иногда, выглядывая в окна, он видел, как она шла в школу. Игорь и подумать не мог, что через каких-то десять лет он женится на этой самой девочке, когда она вырастит.

— Нет, — отвечает Елена, раздраженная тем, что Игорь сбивает ее с мыслей о спектакле. — Если хочешь, зарежь меня, моя кровь тоже похожа, на кетчуп, только не мешай. Я думаю.

Елена часто так отвечает, она терпеть не может домашние обязанности. Он ее начинает раздражать, когда о чем-то ее просит. Игорь и Елена очень разные, он любит то, чего не любит она. Но еще больше Игорь любит ее саму, потому что он видит за ее довольно заурядной внешностью загадочность, а в его возрасте этого как раз уже не хватает. Когда темперамент идет на спад, его место обычно занимает созерцание. А созерцать загадочность Елены каждый день ему очень приятно. Оставшись с ним наедине, она как будто сбрасывает свою некрасивость и становится для него такой любимой загадочной и манящей. Но при всем этом Игорю не нужен дома помощник режиссера, ему нужна жена, однако ни в какой другой роли, кроме роли помощника Евы, Елена себя не мыслит.

Долгое время Игорь считался плохим семьянином и донжуаном. У него было много женщин, он умел их обольщать, но они быстро надоедали ему. С первой женой он развелся из-за того, что она застала его в собственном доме с любовницей. От первого брака у них остался сын, которого звали тоже Игорь, и ему уже было девятнадцать лет. Когда первая жена подала на развод, Игорь искренне не понимал, почему она это сделала, так как искренне считал измену чем-то само собой разумеющимся. Но с Еленой было все по-другому, она не могла ему надоесть, потому что ее изначально нельзя было считать попавшей в его сети любви. Он стал за ней ухаживать, оказывать ей знаки внимания, но она оставалась холодной. Тем не менее, Елена сама предложила ему пожениться. Она просто однажды пришла к нему домой и с порога сказала: «Наверное, целесообразнее всего нам было бы пожениться», несмотря на то, что она его не любила, и между ними еще ничего на физическом уровне не было. Игорю ничего не оставалось, как согласиться, потому что Елена покорила. Она покорила не его плоть, но его разум и сердце. Сердце же Елены не могло принадлежать ни одному мужчине, потому что оно принадлежало театру. Никто не мог понять, почему Игорь женился на ней, ведь они были такие разные. Игорь сам этого не понимал, но ему казалось, что

по-другому просто не может быть. С его стороны это можно было объяснить только одним словом, и это слово было любовь.

— Видимо, котлет в этой жизни для меня не предусмотрено, — произносит со вздохом. Ему не хочется как-то по-другому реагировать на пассаж жены о своей крови и кетчупе. — А вместо котлет ему были коровьи лепешки судьбы, — глубокомысленно произносит Игорь, надеясь как-то сгладить возникшую ситуацию при помощи юмора.

У Игоря всегда есть запас еды быстрого приготовления, лежащий на верхней полке навесного шкафа, потому что он знает, что его жена вряд ли чаще двух-четырех раз в год станет готовить ему ужин. Он и про котлеты-то спросил, не чтобы призвать супругу к ответственности, а чтобы только начать с ней диалог. Но это не помогло, что и понятно, ведь сейчас Елена как помощник режиссера работает над главным спектаклем своей жизни, который поедет в Москву. Поэтому ей лучше не мешать. Игорь рад, что у него есть запас лапши быстрого приготовления, ему только жаль, что у него нет семейного счастья быстрого приготовления или хотя бы просто его рецепт.

— Она — гений, — произносит Елена задумчиво, как будто вдруг ее потайные мысли прорываются через рот. — Ты не представляешь,

что она сегодня придумала, — продолжает Елена, говоря о Еве. Елена как будто озвучивает свои мысли, которые долго крутились у нее в голове. — Этот проволочный силуэт стоящего на ветру человека, который виден насквозь, это ведь просто находка, — поднимает она глаза на Игоря. — Немедленно нужно заняться его поиском. Нужно найти того, кто его сможет сделать это человека нормально. Так, — говорит быстро Елена, резко меняя тон от мечтательно-задумчивого на динамично-деловой, — не мешай мне сейчас, не говори мне сейчас ни слова, иди, займись своими котлетами или почитай что-нибудь, — махнув на Игоря рукой, произносит быстро Елена.

Елена даже не смотрит на Игоря, она даже не знает, в комнате он еще или уже нет. Ей это безразлично, она не хочет тратить даже на это свои умственные и зрительные усилия. — У меня сейчас куча дел, — скороговоркой говорит она, уже открывая свой ноутбук, чтобы найти там нужную информацию по поиску нужного мастера. — У меня куча дел, просто куча дел, — говорит она уже очень тихо, произнося мысли вслух, в то время, как голубой экран ноутбука озаряет ее серое от бессонных ночей лицо.

— Отсюда, сверху, открывается хороший вид на эти предметки, но чтобы он мне понравился, не хватает необходимой степени извращения, — говорит Ева.

Ева говорит о предметах, стоящих на столе. Это солонка, перечница, белые салфетки в желтой плетеной корзиночке.

— Извращения? — спрашивает недоуменно Василий.

Василию не очень хочется с кем-то болтать, но из уважения к даме, Василий не может не отвечать ей хотя бы что-то.

— Ну да, извращения, откровения, — произносит Ева, с огоньком глядя на солонку и перечницу, которые стоят на маленькой подставке. — Извращения как откровения или откровения как извращения, — смеется она. — Для меня это чистые, разлитые в пространстве откровения, но многие это называют извращениями, поэтому я сразу так сказала, чтобы было понятней.

Ева и Василий сидят в столовой. Еве неважно с кем сидеть, поэтому она часто садится за любой столик. Обычно Ева выбирает столик, где уже кто-то сидит, причем желательно, чтобы это был мужчина. Ева очень одинока, она хочет общения, ей хочется поболтать, ей хочется произвести впечатление. Ей хочется, чтобы ей смотрели в рот,

и чтобы она отчетливо ощущала воздействие своих женских чар. Сегодня она под села к Василию. Василий любит есть один, но он не стал возражать, чтобы она обедала вместе с ним.

У Василия много дел и много дочерей, причем второе неизменно порождает первое. Василию на вид около пятидесяти лет, и ему приходится много работать, что собрать приданное для своих детей. Всю жизнь Василий хотел мальчика, сына, поэтому просил жену родить еще одного ребенка, сам, как ребенок, надеясь на чудо в виде долгожданного мальчика. В итоге у Василия родилось пять дочерей, и он их любит, наверное, точно также как и любил бы мальчика, только сил и денег на воспитание дочерей уходит в пять раз больше, чем целый табун мальчиков. Наличие пяти дочерей Василий сам для себя объяснил как карму, поэтому он работает с особым усердием, не боясь никакой работы. Василий не особенно любит искусство, но в театре полно для него полно работы, которую можно делать руками, и он ее делает. Устанавливает декорации, кладет паркет, ремонтирует стулья и кресла, совершенно не думая о том, какое они значение имеют для искусства, он все это делает ради своих детей, потому что за эту работу платят.

Василий экономит деньги, поэтому в столовой позволяет себе совсем немного. Он покупает только

кашу, чаще всего гречневую, и выпивает компот. Все остальное в меню для него это излишества, которые ему не по карману. И в жизненном меню он выбирает для себя только работу и недолгий сон, чтобы можно было восстановить силы. Василий не набожный человек, но у него есть вещи, которые для него святы, семья, например. Он служит через труд не искусству, а своему потомству, и это тяжелый крест для него и тяжелый труд. Поэтому руки Василия покрыты грубой кожей, и он очень редко улыбается, практически никогда. Кажется, что его рот даже уже забыл, как нужно улыбаться. Улыбка для Василия — это уже нечто лишнее, поскольку от нее нет никакой материально-ощутимой выгоды и пользы. Дочерей при помощи улыбки замуж не выдашь и приданного им на улыбку не соберешь.

— А что с ними не так? — спрашивает Василий, потому что Еве нужно что-то ответить.

Ему не очень интересен этот разговор, но из вежливости он способен даже наступить на горло здорового смысла, особенно осознавая, что с ним сидит сама Ева. У Василия одна из дочерей хочет стать актрисой, поэтому Василий обязывает себя выглядеть перед Евой заинтересованным, мало ли, что может быть в будущем это поможет ему пристроить в театр свою дочь.

— Все слишком правильно. Слишком так, —

отвечает Ева, на тарелке которой красуются две картофельные котлеты. — А вот если взять соль, — Ева берет солонку, — и положить ее на бочок, — Ева кладет солонку на бок, — а потом положить на всю эту архитектуру вилку, — Ева кладет на солонку вилку, то будет гораздо лучше, — улыбается она, создавая шедевр.

— И что будет? — пытаюсь изобразить интерес, спрашивает Василий.

— Столовое сердце, бьющееся в груди этой вилки, рыдает над покосившимся мирозданием, в котором было столько соли, что можно было посолить две моих котлеты, а также кучу других котлет, — протяжно вздыхая и глядя в глаза Василию, говорит Ева.

— А как она может плакать, если у нее железное сердце? — неожиданно сам для себя отвечает Василий.

Василий не знает, что нужно сказать, поэтому он тихо опускает глаза в тарелку, чтобы она не увидела его непонимающий и взволнованный взгляд. Для Василия все это бред. Василию хочется побыстрее начать есть, дабы занятым ртом оправдать свое неправильное молчанье. А Еве, желавшей вызвать шок у Василия, кажется, что в области метафор этот простой человек продвинулся гораздо глубже, чем она. И она сама пребывает от него в огромном восторге, граничащем с шоком.

«Действительно, — думает она, — железное вилочное сердце не способно на сострадание».

— Золотые слова, — отвечает Ева ему с театральным пафосом. — Золотые слова.

11

Из тупика Ева предпочитает не выходить, а взлетать, причем взлетать в красном платье с красной меховой накидкой. И чем больше красного, тем лучше. Когда Ева надевает обжигающе красным цветом меховое манто или накидку, она ведет себя так, как будто нацепила первую попавшуюся тряпку. А когда Ева действительно надевает первое, что попадетсся ей под руку, она начинает это носить с особым изяществом и грацией, как будто в этом наряде таится сакральный смысл, и она его долго выбирала. В Еве заложена игра, которая в любых ситуациях просится наружу.

Тупик для Евы — это понятие, глубоко сопряженное с творчеством. Причем, чем мощнее этот тупик, тем лучше. Потому что чем более глобален тупик, тем выше взлет, а именно на таких тупиках и взлетах, по мнению Евы, и держится искусство, оно держится на волне, которую создают резкая смена событий. Ева по-своему, по-режиссерски рада тупику, рада острому ощущению тупика. И чем острее, тем лучше. Ведь

для того, что вырваться из него, нужно вначале в него попасть. И вот Ева попала в тупик, она не знает, что делать дальше в спектакле, он «встал», и жизнь в нем замерла. Ева понимает, что ситуация ей намекает на то, что нужно собраться, собрать все силы для взлета. Она хорошо это понимает, потому что этой работе она отдала всю свою сознательную жизнь. Ева осознает данность тупика, а значит, что прорыв уже скоро. Ева это чувствует, даже вещи перестают слушаться ее, все валится из рук, возвещая о том, что скоро будет конец и одновременно начало чего-то нового. Начало нового шага, нового взмаха крыльями, нового движения вверх по направлению к истине.

Красная меховая накидка Евы пахнет духами. Эти духи называются «Красная Москва». Ева душится ими всю жизнь, потому что она не хочет искать что-то новое. Она достаточно много ищет в искусстве, чтобы еще тратить энергию на поиск чего-то нового для жизни. В жизни Ева монолит и ретроград, и гордится этим. Многие уже привыкли, что Ева одевается феерично, но некоторых такие выходы в свет «не пойми в чем» обескураживают. Например, этому красному платью и накидке уже сто лет в обед, оно уже пропахло нафталином и морально устарело, но это, по мнению Евы, никого не должно касаться. Ей так нравится. Ева так оделась не для себя и не для зрителей, она так

оделась для театра, в котором она служит. Он так оделась, чтобы встретить откровение и взлет из тупика, который она предчувствует.

— Бог мой, сколько огня! Здесь целый океан огня! — приветствует Еву пожилой человек. — Приветствую тебя, ангел мой, моя душа, моя королева! Красная королева! — Сидор приклоняется по-старчески, стараясь не выдать, как ему тяжело это сделать, перед Евой и целует ей руку. Весь процесс занимает чуть больше минуты.

Сидору уже восемьдесят четыре года, он старый актер. На самом деле по паспорту, он не Сидор. Сидор — это его псевдоним, точнее это имя, образованное от его фамилии Сидоров. Но это имя приросла к нему настолько, что уже сам Сидор не помнит своего настоящего имени. Для него уже нет ролей, хотя он очень хочет играть. Иногда он приходит в театр, чтобы просто посидеть тихо в зрительном зале и повспомнать молодость. После того, как умерла жена, это единственное, что его занимает. Он предан этому театру душой. Он помнит Еву, когда она еще была маленькой девочкой и пропадала здесь днями и ночами. Тогда для Евы он тогда был кумиром. Теперь, когда Сидор стал сморщенным немощным высохшим стариком, он жалеет только об одном, что так и не сыграл Короля Лира. И сейчас ему об этом очень больно думать, потому что где Шекспир, а где он со

своими памперсами, ежедневные таблетками и надвигающимися на него, подобно артиллерии, «утками». Старость подшучивает над ним, она издевается над его духом, который по-прежнему молод и хочет жить.

— На королеву согласна, — отвечает Ева, бросая строгий и одновременно лукавый взгляд на Сидора, — а ангелу еще далеко до меня. Нос не дорос, — с ироничной улыбкой произносит Ева, сквозь которую летит термоядерная энергия.

Ева как будто бы не замечает старческой немощи Сидора, она разговаривает и шутит с ним на равных, не давая ему понять, что он уже давно списан в утиль руководством театра. Хотя Сидор предпочел бы быть списанным на металлолом, потому что еще каких-то десять пятнадцать лет назад он умел держать удар, и спина его всегда была пряма, как будто он проглотил кол. Но даже металл устает, существует понятие «усталость металла», но как быть с ней Сидор не знает, ведь дух его остался цел и невредим, и душа его еще пылает желанием что-то сделать. Но на самом деле смерть жены сильно подкосила его. Без ее веры в него его здоровье пошатнулось, и он даже стал с трудом ходить и разговаривать. Ева очень хочет подобрать ему какую-нибудь роль в новом спектакле, но он не годится ни для одной из ролей. Но Ева думает над этим, и она обязательно

что-нибудь придумает, потому что она для этого создана. Ева создана для того, чтобы что-то придумывать.

— А у меня для красного режиссера подарок, — произносит Сидор, немного смущаясь, и вынимает из своего старого кожаного портфеля пакетик с семечками. — Для такой дамы они, конечно, должны быть бриллиантовыми, но природа отказывается выпускать бриллиантовые семечки, — улыбается он. — Хотя, может быть, для нашего режиссера она сделает исключение и выпустит семечки с бриллиантовой кожурой, — с милой улыбается Сидор.

Сидор очень галантен, он всегда старается чем-то порадовать Еву, потому что он чувствует в ней ту же любовь к театру, такую же неодолимую страсть к театру, какая есть у него.

— Если бы они были бриллиантовыми, я бы обломала все зубы, — произносит Ева.

— Нет, ты бы не обломала, — очень тихо произносит Сидор. — Ведь тебе по зубам даже искусство, так что какие уж там бриллианты.

Сидор уходит, его старая тень скользит по ступенькам. Эта тень оказывается тем, чтобы нужно было Еве увидеть, чтобы понять что-то очень важное. Сидор идет неровно и тихо, потому что старость, как бешеная собака, истерзала его плоть. Ева понимает, что на костях таких людей, как

Сидор, и стоит искусство. Но Ева не станет ему помогать идти по ступеньках, брать его под руку, чтобы не унижать его своей поддержкой. Ева будет смотреть на него уходящего так, как будто бы он еще молод и полон сил, и он спиной будет чувствовать это. Когда Сидор уходит, Ева понимает, что взлет из тупика состоялся. И она слышит как невидимые ангелы, покровительствующие искусству, как болельщики на стадионе скандируют ее имя «Ева!».

12

Леночка делает пятнадцать шагов и восходит на сцену. В зале она одна, уже поздно, и все разошлись по домам, последней уехала Ева. Прежде чем подняться на сцену, Леночка долго сидела в зрительном зале и смотрела на сцену. Она не помнит, сколько она сидела час или два, а может всего лишь несколько минут. Когда она думает и смотрит на сцену, время летит незаметно, оно даже как будто перестает для нее существовать, поэтому она его не замечает. У Лены есть часы на руке, но она не хочет смотреть на часы. Это лишнее, потому что у нее сейчас другие задачи, другие планы.

Эти пятнадцать шагов до сцены Лене дались нелегко, она чувствовала, будто к ее ногам привязали пудовые гири, причем гири увеличивали

свой вес по мере того, как она приближалась к сцене. Когда же Лена оказалось на сцене, она поняла, что не может даже пошевелиться. Лене нравится оставаться в зале одной, иногда она даже поднимается на сцену, чтобы что-то сказать на ней, но у нее ничего не выходит. Магии искусства не получается. И Лена просто стоит на сцене, осознавая свою беспомощность. Каждый раз она поднимается на сцену, чтобы что-то произнести на ней, произнести для себя, потому что в этот момент она как бы наблюдает за собой из зрительного зала. Но у Лены ничего не получается. Она слишком напряжена, чтобы у нее что-то получалось. Она не может отрешиться от себя самой, она не может позволить искусству овладеть собою настолько, чтобы стать частью его.

До того, как Ева, кумир Леночки, уехала, они обсуждали спектакль. Они разговаривали очень долго. Весь разговор длился около пяти часов, потому что нужно было обговорить многие организационные моменты, связанные с декорациями и реквизитом актеров. Ева рассказала Лене, что спектакль, над которым они все работают, будет называться «Сорок дней после любви». Его идея будет заключаться в том, что после смерти Любви в отношениях двух людей, любовь, подобно человеку, не сразу покидает эту землю, а ее душа его живет сорок дней. Ева решила, что в роли

призрака любви будет очень стройная и высокая девушка в длинном красном платье со шлейфом. В первом действии она будет взбегать на винтовой лестнице, которую недавно только установили. Также в спектакле будут играть сорок мужчин в кирзовых сапогах, которые будут изображать сорок дней. Время от времени будут появляться на сцене и громко шагать, как солдаты. А еще в самом сердце спектакля и в центре сцены будет стоять проволочный силуэт человека с распростертыми руками. Его уже изготовили, привезли и поставили. Это пустота, обтянутая проволокой, была нужна Еве для раскрытия идеи. Кто из актеров будет главным героем, Ева еще не решила, но Лена поняла по ее глазам, что она это уже знает. Идея этого спектакля окончательно оформилась, когда Ева посмотрела на скользящую по степеням тень старого Сидора. Эта скользящая по ступенькам тень натолкнула ее на мысль о постепенном уходе из мироздания и о тихом прощании с ним. Теперь оставалось только наполнить спектакль диалогами и живыми словами, и репетировать, репетировать, репетировать.

Леночка стояла напротив проволочного человека и смотрела на него и через него. По ее щекам текли слезы. Она понимала, что она ничего не может сделать ни на сцене, ни в жизни. Она как будто бы наблюдала за собой и видела, насколько

она сама по себе бездарна. И ее бездарность отнюдь не заключается в отсутствии актерского таланта, ее бездарность гораздо шире — она бездарна как человек. Она не умеет жить. Лена понимала, что самого главного она в этой жизни не умеет и не имеет, потому что она не умеет жить. Жизнь включается в ней только в те моменты, когда видит Еву. Лена уже дано поймала на том, что если Ева идет куда-то, то ей хочется за ней идти. В Еве столько неувядающей жизни и страсти к жизни, что она переливается через край. Поэтому Леночке так важно быть рядом с ней хотя бы иногда, чтобы подпитаться ее энергией.

Леночка уходит со сцены в слезах, так и не произнеся на сцене ни слова. Она не смотрит на часы, ей не важно сколько времени, потому что она не спешит домой к мужу. Муж в ее жизни — это лишнее. Иногда она на полном серьезе забывает о нем, как будто его и не было никогда. И только столкнувшись с ним случайно в квартире или наткнувшись на него в своей постели, она понимает, что это он существует в ее жизни как неумелая правда жизни.

— Задерживаетесь допоздна, — говорит сторож, который тоже работает в этом театре, проходящей мимо него Леночке, — это неправильно. В это время нужно сторожить уже семейное счастье, — улыбается он.

Но Леночка не воспринимает его слова всерьез, потому что ей сторожить нечего. Счастья в ее семейной жизни не существует.

13

Белое трогает черное, а черное трогает белое. Белое с черным и черное с белым ласкают друг друга, целуют друг друга. Черное на белом и белое на черном. Белое и черное, а между ними физическая любовь. Элона под Жаном. Жан на Элоне, и Элона на Жане.

— Туда! — показывает Элона тонкой изящной поднятой вверх ногой в сторону кухни. Нога Элоны с вытянутым, как у балерины носком, напоминает Жану стрелку, показывающую в нужном направлении. — Принеси мне срочно воды, а то я умру от жажды!

Жажда — это ключевое слово, определяющее Элоны. У нее постоянная жажда практически во всех смыслах этого слова и на всех уровнях жизни. И после того, как эта жажда утолена, после нее сразу наступает другая жажда. Она все время чего-то хочет получить, при этом ничего не желая отдавать взамен.

— Не пойду, — отвечает Жан. Ему не трудно сходить, но эта стрелка, которую олицетворяет нога Элоны, его смущает. Ему не хочется идти и жить в